

ЗА НАШКУ

ГАЗЕТА АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 (372).	Газета издается с 21 февраля 1980 г.	ВТОРНИК, 12 НОЯБРЯ 1991 г.	Цена 5 коп.
------------	--------------------------------------	----------------------------	-------------

УЧЕБНАЯ ГАЗЕТА

ЖУРНАЛИСТОВ 3-ГО КУРСА

И НИКОГДА НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ

На заметку предпринимателю

УЧИТЕСЬ, ШНУРКИ!

К радости студентов в столовой главного корпуса АГУ появился любимый напиток - напиток "Витаминный". По достоинству оценивая его вкусовые качества, не все студенты, к сожалению, знают, что напиток этот можно использовать и в других целях. Многие, наверное, обратили внимание на его необычайный ядовито-желтый цвет, точно такой же, как цвет молных еще совсем недавно шнурков, заполонивших коммерческие магазины...

... А дело было так. Впервые напиток появился в нашей столовой именно в то время, когда всякий уважающий себя человек (а тем более девушка) имел в своем гардеробе флуоресцентный шнурок. Стоил он в то время недешево. И вот предпринимательская хватка некоторых наших студентов дала о себе знать: было налажено бесперебойное производство желтых шнурков по очень простой, экологически чистой технологии. Обычные белые шнурки путем обмакивания их в напиток "Витаминный" превращались в лучший подарок любимой девушке.

Слава богу, мода проходит, все возвращается, как и флуоресцентный напиток, который вновь радует глаз посетителей столовой главного корпуса.

Х. МАРКОВКИН.

БЕЗВРЕМЬЕ

Иногда я заглядываю людям в лицо. Удивительно, но глаза лишь немногих привлекают внимание. Наверное, это счастливые люди - глаза их светятся, постоянно выхватывают из серости будней ситуации, предметы, лица. Остальные, при многообразии красок - серые, зеленые, голубые - удивительно похожи... А объединяют их злоба и отрешенность - два таких разных понятия. Наверняка еще три года назад эти глаза и лица не были такими. Еще тлела надежда на грядущее преобразование, на приобретение спокойствия и уверенности. Может быть, надежда вспыхивает и сейчас - при новом катаклизме, при громком уходе и приходе чиновников.

Но неизменными остаются очереди. Именно в них сейчас можно познать жизнь. 90 из 100 думают о том, что "а вдруг не хватит". Они зацеклены на себе. Вот она вам - отрешенность: не взметнется крик, чтоб больше столько-то не давали, давно все обсчитано - чего и сколько можно иметь и кушать человеку в этой цивилизации.

Но ведь есть еще пища, которую мы ценим так же, как и нашу действительность. В общей массе, книг не читаем, классику не любим, в театры забегам раз лет в 10, считая, что школьных культпоходов нам хватит вперед надолго. Не только поэтому, конечно, трудно пробиться молодому дарованию, не только поэтому едут "звезды" за рубеж. Но художники есть художники - трудно им без нашей поддержки.

Телевизор заменил нам многое. Плодятся коммерческие и развлекательные каналы, пичкая нас низкопробной рекламой и музыкой. Но мы их смотрим из любопытства - "их" кино...

...А в общем, мы живем нормально. Для периода застывшего времени. Да и мы застыли. В жизни ведь, как в автобусе - каждый занимает удобное для него место.

О. ВАСИЛЬЕВА.

Через три года каждому из нас предоставится возможность взглянуть на сегодняшние проблемы с отстраненной и независимой позиции. А сегодня мы беседуем с недавней выпускницей АГУ, а теперь сотрудником красивого радио, Натальей РЕВКОВОЙ.

- Наташа, какие чувства по окончании?

- Чувство глубокого морального разочарования, наверное. Хотя, может быть, это грубо сказано. Чувств никаких не было. Отучились - и слава тебе, Господи. Вышли, и первое желание - больше никогда туда не возвращаться.

- Как ты расцениваешь уровень преподавания на факультете?

- Знаешь, на пятом курсе у меня возникло ощущение, что старых преподавателей становится все меньше, а тех, кто приходит им на смену, иногда было смешно слушать. Когда мы доучились до третьего курса, за месяц практически мы узнали все, что прошли бы и не прошли бы в университете.

Единственное, у нас был курс по макету газеты.

Это было действительно нужно, потому что на практике нам сунули в руку эту линейку. Если бы мы не знали, с какой стороны ее класть, мы бы ничего не сделали. И еще - необходимость литературного образования. Мне сейчас приходится работать в рекламном отделе. И понимаю, что многое ложится на ту основу, которая, вероятно, и была заложена на лекциях по литературе.

- Наташа, как ты думаешь, каков процент журналистских предметов, без которых ты вполне могла бы успешно работать?

- Как я уже говорила, это процент достаточно высок. Есть дисциплины, которые предназначены про-

сто для забивания мозгов. Разумеется, я не говорю о всех спецпредметах. В свое время вы придете в редакцию, сделаете, допустим, свой номер газеты - и все поймете.

- Что же ты можешь сказать о производственной практике?

- Я знала случаи, когда практика совершенно ничего не давала человеку. А обычно просто приходишь в коллектив, и уже чувствуешь, сможешь ли ты здесь работать. Мы сами выбирали газету, сами договаривались.

- Как ты думаешь, реально ли, что каждый из моих одногруппников, а это 21 человек, сможет найти работу по специальности?

- Да. Я этого не исключаю. У нас очень не хватает людей. Но с условием, что вы сами сейчас будете работать. Мне пришлось поработать в газетах, и места, в принципе,

есть. Нередко бывает так, что в газете ищет человека... и не берут никого: нужны специалисты.

- А сколько человек из вашего выпуска работают по специальности?

- Да почти все. Дело в том, что все наши хотели работать. Если бы нас не учили журналистике, мы бы все равно здесь работали. Есть просто такое ощущение, что это "своя" работа.

У нас вообще какой-то странный курс. Я сама удивилась: ничего не делала, как все нормальные студенты, а на практике почему-то работали. Хорошо печатались.

Зарплата? Ты же знаешь, как мы получаем. Это же смешно. Мы на договоре, а на договоре ты получаешь то, что заработаешь сам. А чтобы зарабатывать 300 рублей в месяц, нужно очень много делать.

А. БОЧКАРЕВ.

Фил Фак: Необъявленная война

Либо мужчина. Либо филолог

Сразу хочется предупредить: никаких обид, никаких претензий. Не принимайте нижезложенное близко к сердцу. Но и не закрывайте на это глаза. Может быть, эта информация послужит вам стимулом к самосовершенствованию.

Итак, на вопрос: "Какими вы видите мужчин-филологов?" девушки ответили следующее:

- Самой интересно, какие они?! (4 курс)

- Во-первых, их - мало! Те, которые есть, чаще маленькие, худенькие, замученные. Как мужчины, в общем-то, и не воспринимаются. (3 курс)

- Мужчина-филолог? Тут или-или. Или мужчина. Или филолог. (3 курс)

- За многолетний срок учебы успела заметить:

филологи мужского пола - это посредственные, малопривлекательные люди. Совершенно неактивные и нерасторопные. Ни на ком взгляд не остановится. (4 курс)

- Мужчины на филфаке не приживаются. Только появляются подающий надежды - смотришь, через полгода исчез - отчислили. Остается серая масса. Да и масса ли? (2 курс)

- Мужчины-филологи у нас болтливые, веселые, но не обязательные. (2 курс)

- Ну, это женоподобное существо с уровнем развития среднего восьмиклассника. Но зато - с непередаваемым детским обаянием. (2 курс)

Слушая эти не очень лестные реплики в адрес мужчин-филологов, захотелось хоть как-то вызвать у

опрашиваемых положительную реакцию.

- Девушки, ну а какую привлекательную черту вы видите в наших мужчинах?

- Умные, что ли сказать? Знаете, вроде как умные...

Р. С. Высказанные мнения не относятся к мужчинам-журналистам. В их адрес звучали более приятные слова: солидные, деловые, эрудированные, живые, интересные в общении! И даже привлекательные!

Но, журналисты, это не повод для зазнайства. Ведь по мнению женщин-филологов, вы их совсем не замечаете и не цените...

О. ПОНОМАРЕВА.

А САМИ-ТО КАКИЕ?

Женщины-филологи глазами мужчин? Нет проблем. Для подобного мини-опроса потребовалось несколько ответов от немногочисленной мужской половины филологического факультета, которую, впрочем, очень трудно найти в здании университета.

- Итак, вопрос к мужчинам: "Какой вы видите представительницу слабого пола филфака?"

- В. 5 курс: "Столь большое скопление женщин противостоит венику. Они выглядят бы намного лучше, если бы... на факультете было больше мужчин".

- К. 1 курс: "Я еще не знаю, что представляют собой наши де-

А. В. ЧУМАКАЕВ.

ПОД МУЗЫКУ ВИВАЛЬДИ

"Ты красив, как молодой Бог" - эта мысль всплыла в моем мозгу и засветилась, как младенец Христос на картинах фламандцев. У тебя холодноватый профиль камня и чудные глаза, перламутровым кайялом обведенные...

Жаль, что ты всего лишь гипсовая Аполлонова голова в обычной художественной школе. Тебя слепили и поставили у окна, исхлестанного мокрыми ветвями. Посмотри, как медленно падает лист - он желает, чтобы ты увидел его танец...

Когда-то ты был Бог. Тебя любили женщины, а ты посвящал им стихи и дарил наслаждение широким жестом жадности. Было время - писал мудрые книги - затевал войны. Ты умирал, как эллин - с улыбкой на губах, начертив линию вдовства на чьей-то ладони. Ты умирал, как жил - мудро. Больше о тебе нечего сказать. Ты сам убил свою неповторимость, никого не любя. Мы сами красим себя в серый цвет, никого не любя.

Но если бы ты знал, как бездарно женщина измерит мужскую любовь - количеством подаренных букетов и уступленных в автобусе мест! Что может быть печальнее мужчины, в котором бездарная женщина убива Бога? Ни образа, ни строчки не рождает он.

Женщины бездарны, как слезы. Среди них нет актеров. Великий актер должен стать чистым листом бумаги, на котором

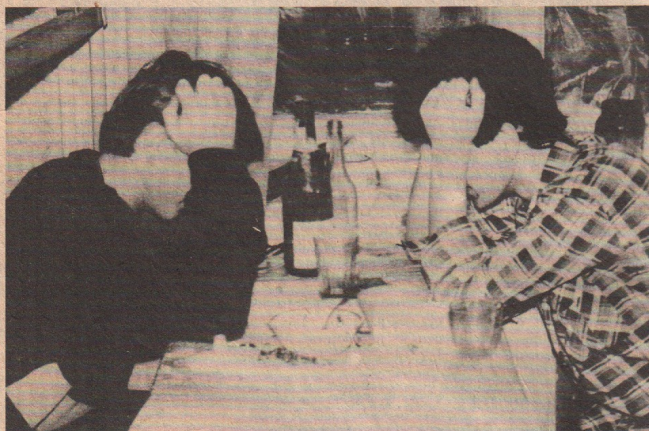
можно записать все что угодно. Женщина же, ее душа, хранит немало всего. В ней может быть Вивальди и бетховенские сонаты, любимая кошка и осенние листья, застывшая музыка улиц и синие сумерки, ангел смеха и ангел слез... И все-таки, пока в ней нет тебя, она есть лишь наполовину - хрупкая и уязвимая. И тогда ей остается только лечь на спину, чтобы загнать слезы внутрь.

...Каждой женщине хочется иногда взять букет противных желтых цветов, чтобы выбросить их в канаву, как только ты прикажешь. Каждой женщине дано великое терпение любить не только светлое в тебе, но и твою черноту. А забыть для нее - как свечу погасить. Лишить себя единственного источника света.

...Он и она вместе похожи на двух зародившейся в одном чреве - вместе и взрываются одновременно. Они жмут друг другу руки, тайно любя, как ее рука тонет обреченно в его. Они прощают и благодарят молча, потому что слова "прости" и "спасибо" придуманы для чужих, далеких людей.

И они вместе смотрят на осень - шаловливого ребенка, опрокинувшего разноцветные акварели на лазурный крепидиус неба. Смотри - плесок плаката запутался в ветвях. Небо урыдало, залив дождем поникший город... Вивальди. Ноябрь.

Н. КЕЛЛЕР.

ОБЩАГА - ВСЕ НОЧИ, ПОЛНЫЕ ОГНЯ

Общезитие N 2 АГУ. Хроника одной субботы. Вечер. Ближе к полуночи. Примерно в 21.30 по местному времени. Плотность населения на 1 кв. метр давно превысила все допустимые нормы, а гости с случайные прохожие правдами и неправдами проскальзывают мимо уже ничего не понимающего вахтера и, словно профессиональные "пираты XX века", штурмом берут на abordж балкон второго этажа. Время неумолимо поднимает. И уже совсем скоро начнется долгожданная и грандиозная дискотека с русско-народными и интернационально-бразильскими плясками.

Скорю... Скорю... Совсем скоро... Гости с уже отяжелевшими слегка козевыми добывают остатки лучшего советского пива (сравнимого лишь с классными сортами пива африканских туземцев) и начинают стекаться в центральный холл четвертого этажа.

Сигаретный дым обваливает повеселевшие лица с блестящими и немного дикими глазами, а затем сквозь всевозможные щели вырывается вон из общаги.

И вот раздаются первые громоподобные аккорды. Все заглушает рев "Чингиз-хана" и топот не знающих усталости даже после напряженной учебной недели студентов всех полов и возрастов. Дрожат пол и стены, сыплется штукатурка, огнетушители сами срабатывают и разбрызгивают жравую смесь непонятно чего, пыль стоит выше крыш.

Но вот забойную мелодию сменяет нежно-лирический медленный танец. Сильная половина человечества, молниеносно окинув взглядом кандидатов на танец, устремляется пригласить понравившихся. Как правило, среди приглашенных большая часть - юные первокурсники.

Таков закон природы - новое всегда загадка, овладеть которой жаждет любой нормальный человек.

Темы для разговоров разнообразны и порой непредсказуемы: знакомство и музыка, политика и секс, спорт и учеба...

И вновь звучит ритмическая попойка. Только в этот момент можно увидеть, насколько энергичен и вынослив советский студент. Не на семинаре и не на картошке, а только на дискотеке: простой, рядовой, но студенческой.

За окнами гудит ветер и светит луна, а в танцхолле остались лишь самые выносливые и стойкие танцора-плусны. Зачем оставлять лишние энергию и калории. Везд завтра воскресенье! Любимый день всего разумного человечества, в первую очередь студента.

Постепенно все стихает. Общага погружается в сон. Лишь кое-где горит свет, и тихо (не всегда, конечно) играют на гитаре и поют до утра. Иногда мелькает язычок пламени догорающего в холле костра, да пролетит со свистом огнетушитель в лестничном пролете. Но на это никто особо не реагирует. Все спокойно... До следующей субботы.

С. ШТИН, В. РЕЙМЕР.

Изнутри

попытался посмотреть обыкновенный российский студент на Сенькину шапку и убедился, что она ему впору.

То, что обычно называют учебой - на самом деле является только малой толикой вседневного познания. В том месте, где познание начинает дробиться, по каким-то родовым или видовым признакам, возникают проблемы и противоречия.

Университет - место раскола познания. В университетском организме познание выступает в качестве двух субъектов - внутреннего и внешнего. Внутренний субъект познания - это та духовная жизнь, которой живут, в своем большинстве, студенты. Он обнаруживает себя в куррилах и на научных конференциях студентов. Внешний субъект познания направляет внутренний, пестует его на пути следования к истинно-сущему. Это удел преподавателей.

Познание вообще - нечто целое, или триединство представления, понятия и идеи. Идея собирает в себе фазы представления и понятия. Если выделить частное в собирательном организме университета, например, то, что именует себя журналистикой, то можно

выделить ряд моментов. Познание в том, что называет себя журналистикой, оостенело, пребывая в фазе представления. Учебные дисциплины лишены внутренней организации, не подчинены идее. Наши оппоненты возражают, говорят, что журналист и познает мир в представлениях. Он-де может быть одновременно физиком, экономистом и слесарем-сантехником. Он должен создавать иллюстрации, разбираться в фактах, изучать их, описывать явления мира. Все это, конечно, так, если журналистика на самом деле ребенок, который познает мир из представлений, пытается познакомиться с объектами его предмета. Журналистские порывы уже выходят из этого возраста, пока она не замкнулась в своем эгоцентризме, не описывает явления, а вставляет над ними, искать их внутреннюю связь, их идею и с высоты последней постигать мир. В университетском теле журналистике не хватает обобщенного познания, не хва-

тает специализаций по темам и целым блокам смысла. Стремление к обобщению должно идти как изнутри, так и снаружи. Главная беда самого разделения познания в университете в том, что: 1) студенты растеряны и не знают, чего им нужно. Отсутствие идеи познания парализует волю, приводит студентов в шок во время очередной сессии. Набивая свой интеллектуальный багаж тем, что дают, они начинают сознавать, что "...обладание всевозможными знаниями без знания того, что является наилучшим, редко приносит пользу и, наоборот, большей частью вредит своему владельцу". (Платон. Алкивиад II; 2). Преподвание так же лишено единой идеи - весь курс обучения явлен этаким дикиобразом. Такое положение дел списать либо на еще сравнительную молодость отделения журналистики, либо на задающий тон познания только в представлениях.

Шапку примерил
А. ЛУШНИКОВ.

Ни слова о Форосе, Горбачеве и ГКЧП

КРЫМСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Коктебель оказался таким, каким я его себе представляла и знала раньше. Там совсем не было незнакомых мест - я дорогу почти не спрашивала и шла наверняка. Но Коктебель поразил меня, и не только своей знакомостью - он оказался самым счастливым местом в Крыму.

Дорога туда проста, как в сказке, - надо идти далеко-далеко, чуть ли не в тридцатое царство, и будет Киммерия, родина амазонки, земля входа в Аид, того самого, по которому Орфей спускался за Эвридикой, место предмета поклонения и паломничества мусульман - Святая гора, и - предмета поклонения просто людей, независимо от вероисповедания - горы Кучук-Енишар, откуда открывается прекраснейший вид на Коктебель. На этой горе похоронен Максимилиан Волошин, открыватель и хозяин дзешних поэтических мест.

Совпадение это, или действительно правда одной легенды (их здесь множество) о Волошине, но только и после смерти, оставшаяся сама собой, история обнял свой Коктебель с трех сторон - уже названо. Если смотреть из окна мастерской Волошина, справа виден Кок-Кая, местечко подожный на голову М. А., являющийся предарением волошинского познания на этом берегу, слева - гора Кучук-Енишар, где М. А. похоронен, сама же мастерская находится в доме, построенном в самой сердцевине коктебельской бухты.

То (не бесповоенно, конечно) сложившееся убеждение, что у поэта не может и не должно быть дома, разбивается о деревян-

ные стены дома Волошина - вот вам зримый пример дома Поэта, дома его души и дома его труда, его руками построенного и его талантом одухотворенного, воплощающего в себе два жизненных поэтических начала - чистоту и вечность. Он стоит на самом берегу, почти на камнях, той гальке, с которой начинается море. Вокруг дома - небольшая садик, я рассмотрела персики и акации, сам же он, с множеством пристроек, торчащих со всех сторон балконов, лестниц, террас, с башней-мастерской, где окна "в два этажа" (по легенде дом строился годами, пристройками) необыкновенно прекрасен и ограничен с аскетичной киммерийской природой настолько, что сразу же стал частью ее.

Как бы там ни было, Волошин с матерью жили здесь в начале двадцатого века, когда и Федосия считалась провинцией, а о Коктебеле еще не было слышно вообще, когда поэзия большей частью быт отрицала, то есть отрицала всякую связь поэта с бытом. А дом - это был прежде всего (у Волошина присутств не было), во что быт для Пра, выросшей на козлах у Шамяля, и что - для М. А., выросшего на руках Елены Оттобальдовны - того же Шамяля?

Центр дома, его поэтическое завершение - мастерская. Я поднялась туда и сразу же (так уж она была устроена) увидела улыбающийся лик царевны солнца Таиах - в нише напротив окна, выходящего на море (вообще все окна мастерской выходят на море, они расположены полукругом, их, кажется, пять,

высоких, узких и овальных). Под головой Таиах - два дивана, покрытых чем-то желтым. Я подумала, что ровно восемьдесят лет назад здесь "спали кости" (Константин Богвский и Константин Кандауров). В лето 1911 года в волошинском "оборотнике" отдала-ли себе Лена и Белла Фейнберг, мальчик-художник Людвиг Квятковский, сумасшедший племянник Пра - Миша, Сережа, Ляля и Вера Фроны, сестры Цветаевы и Борис Трухачев. Они жили в особом сказочном мире чудес и мистификаций, никем и никогда больше не погори-мом, но всегда ощущаемом в доме Волошина.

Собственно, и сейчас - то же лето: те же горы, то же море, та же сорокаградусная жара и ощущение неповторимого коктебельского счастья - объединенности от всего на свете, кроме солнца, пекущего всегда отвесно (куда алтайскому!) и не напекающего голову, и трех коктебельских стихий - морской, степной и каменной.

Знойный воздух, сияющая поверхность моря, белые камни, и прямо над всеми головами и над всеми карагайскими вершинами коктебельское полуденное солнце - "самый свой час Коктебеля, из всех своих бесчестных обливок запечатлевается в нас в обилие того солнца, которое как бог глядит на тебя неустанно и на которое глядит неволь" (М. И.).

Я приехала в Коктебель в полдень и в полдень оттуда уехала. Другое время суток просто не помню.

ОКСАНА БИТЮЦКИХ.